

ДЕВЮ

гастроль

Начинаешь верить, что
восторжествовала нев-
сверху вниз одинокий
«Тела» Саши Вальц в М

«Тела», привезенные в Москву
содиректором берлинского
театра «Шaubюне» Сашей
Вальц, — для Европы не новинка.
Поставленный еще в 2000 году
спектакль стал начальной частью
трилогии Саши Вальц о теле.
Его появление в столице,
на широченной сцене Театра
Российской Армии, вызвано тем
радостным обстоятельством,
что в Москве начались
Дни Берлина.

пазл из человечины

Саша Вальц показала Москве «Тела»

Распоряжаясь человеческим телом по своему усмотрению, Саша Вальц создает на сцене существа новой породы
Фотограф: Владимир Суворов/Газета

ГЛЕБ СИТКОВСКИЙ

Девушку радикальнее, чем Саша, в соп-
temporary dance еще поискать. В своих по-
стхореографических опытах она попросту
отменяет человеческое тело как таковое,
а заодно с ним и законы земной гравита-
ции. На меньшее она не согласна. Когда
в прямоугольной раме окна, куда Саша
Вальц позволяет заглянуть зрителю, блед-
ными червяками начинают корчиться об-
наженные тела мужчин и женщин, то, на-
блюдая, как бездумно, по непредсказуе-
мым траекториям, они движутся, в какой-
то момент начинаешь верить, что Ньюто-
новы законы нынче отменены и в мире
восторжествовала невесомость. Когда
спустя какое-то время по вертикальной
стене промчится сверху вниз одинокий
лыжник, это не вызовет у тебя уже ровно
никакого удивления — по всей видимости,
так теперь принято.

Насмехаясь над антропоцентрической мо-
делью мира, Саша создает на сцене дико-
винный пазл, рагу из человечины, где без-

надежно перемешались мужское и женское,
руки и ноги, индивидуальное и коллектив-
ное. Больше всего происходящее на сцене
напоминает анекдот о натурщице Пикассо,
холодно заметившей назойливому поклон-
нику, что та маленькая деталька, которую
он тщетно ищет у нее между ног, у девушки
находится за ушком.

Сколько ни выводи формулу человека,
он у Саши Вальц никогда не равен самому
себе. Это или недочеловек, или перечело-
век. Под странные недозвуки (короткие от-
рывистые музыкальные штрихи никак
не желают складываться не то что в линию,
но даже и в мелодический пунктир) полуоб-
наженное существо человеческой породы,
оно показывает на ноги, а поясицу путает
о будничном утре, все время путаясь с ука-
зательными жестами: говоря про свои руки,
словно у индуистского божества, может
вдруг вырасти множество рук, а порой
на сцену коленками назад выходят состав-
ные антропосы: верх — мужской, низ —
женский (или наоборот).

Тела укладываются то в штабеля, то в длин-
ные вереницы, простирающиеся во всю
ширь Театра Российской Армии. Иногда пе-
ред нами возникает чудовищное коллектив-
ное тело, в виде уродливой гусеницы мар-
ширующее по сцене с непонятно к чему от-
носящейся речевкой: «Yes, yes! No, no!»

Хореографу подвластно все, в том числе
и внутренние человеческие органы: две вы-
шедшие на сцену женщины методично раз-
вешивают ценники друг на дружку, опреде-
ляя стоимость печенки и селезенки. Цены
немалые, каждая деталь человеческого ор-
ганизма встанет в несколько десятков ты-
сяч евро, но ясно, что людская плоть в спек-
такле Саши Вальц подверглась чудовищной
девальвации. Человек как венец всего жи-
вущего (танцовщики посылают привет эпо-
хе Ренессанса с помощью простого поворо-
та руки, ухватившейся за кусок мела, впи-
сываясь в знаменитые круги Леонардо
да Винчи) развенчан решительно и беспово-
ротнo. Ясно, что, начав со спектакля «Те-
ла», Саша Вальц не могла не прийти к за-
ключительной части своей трилогии, на-
званной ею «Nobody». То бишь «Без тела».